

БОГОСЛОВИЕ

М. С. ИВАНОВ

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОЛОГИИ
В РОССИЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 215 (378.21)

Аннотация

Поводом к написанию данной статьи явилось подписание Министерством юстиции Российской Федерации приказа о признании научных степеней по теологии в Российской Федерации. Это историческое событие оказалось возможным благодаря эволюции российского общества в области мировоззрения. В статье рассматриваются обстоятельства, препятствующие этой эволюции, и показывается их несостоятельность, а также говорится о тех возможностях, какие открылись в учебных заведениях России перед учащимися и студентами, получившими право приобретать объективные знания о религии в гуманитарном образовательном пространстве. Поскольку главной из таких возможностей является осознанный выбор мировоззрения, а в богословии и философии основным как раз и является мировоззренческое содержание, в статье предпринимается попытка выделить из богатого духовного и культурного наследия интегрируемое в гуманитарное образование богословие и сопоставить его с философией. Такое сопоставление показывает, что между двумя научными дисциплинами творческое единство не только возможно, но и необходимо и что благодаря ему Россия может сохранить и приумножить свое духовное и культурное наследие.

Ключевые слова: теология, высшее образование, научная степень, богословие, философия, Министерство юстиции РФ.

14 июня 2017 г. Министерством юстиции Российской Федерации был подписан приказ о признании научных степеней по теологии в Российской Федерации. Министр образования и науки России О. Ю. Васильева назвала этот день «поистине историческим». «С сегодняшнего дня, — отметила она, — мы можем присуждать степень по теологии, о которой так долго мечтали»¹. В свою очередь, глава кремлевской администрации А. Вайно указывал на то, что это событие оказалось «важным и значимым результатом многолетнего конструктивного взаимодействия органов власти, религиозных организаций, педагогических и экспертных сообществ, мощным стимулом для развития гуманитарного знания»². Такое взаимодействие, в свою очередь, стало возможным, благодаря эволюции российского общества в области мировоззрения и благодаря пониманию духовных проблем, которые замалчивались во времена господства в нашей стране атеистической идеологии. В общественных кругах все большую силу набирает осознание того, что историческое, культурное и национальное богатство России не может быть не только освоено, но и понято ее народом, если его религиозная составляющая будет обойдена вниманием. Сводить последнюю к культово-обрядовой форме, как это, к сожалению, делают сегодня еще многие, было бы большой ошибкой. Религия, и особенно православное христианство, никогда не редуцировала свою миссию до богослужебно-литургических форм. Главным в православии всегда оставалось воспитание нового человека, возрожденного на принципах подлинной духовности, что предполагало не только кардинальное изменение внутреннего мира самой христианской личности, но и радикальное изменение ее поведенческой позиции в окружающем обществе. Как свидетельствует российская история, в религиозной атмосфере выросло очень много людей, сильных духом, преданных своей стране, воспитанных в традициях этической культуры, в уважении к народам России, с высоким этническим и национальным

¹ Минюст признал научные степени по теологии в России. URL: <http://www.newsru.com/religy/14jun2017/teo.html> (дата обращения 16.06.2017).

² Там же.

сознанием, творцов подлинной духовной культуры. Об этом нельзя забывать никогда, особенно в наше время с его пропагандой безнравственного образа жизни, вседозволенности, потребительства и цинизма.

Мировоззренческая эволюция нашего общества проходит в соседстве с негативным отношением отдельных его членов к включению упоминаемой ранее религиозной составляющей в гуманитарное образовательное пространство. Такое отношение чаще всего мотивируется, как известно, светским характером российского государства и его образования, якобы не допускающих включение знаний о религии в государственные школы. В действительности же, согласно Конституции Российской Федерации, запрет касается не религиозных знаний, а установления любой обязательной идеологии: будь то государственной или религиозной.

Идеологизированная государственная «прививка», согласно которой «светское» означает «нерелигиозное» и даже «антирелигиозное», еще долго будет дезориентировать общественное сознание, в течение 70 лет отравлявшееся атеистическим «опиумом». За этот период в определенных слоях общества укоренилась какая-то странная и однобокая привычка: атеистическое образование и воспитание признавать, а религиозное — нет. При этом совершенно упускается из виду тот факт, что российское государство — это государство плюралистическое, в котором для каждого человека должно быть обеспечено соблюдение принципа личной духовной свободы. Не менее важным здесь является и то, что до сих пор никакого всеми признанного единого мировоззрения не существует, а знание о мире, природе, человеке, обществе расходятся во всех существующих доньше мировоззренческих системах. И точно так же, как не существует «научного» атеизма, так не существует и единой общеобязательной «научной» картины мира.

В правовом государстве на первый план выступает всеобщий общественный интерес, который складывается из частных интересов отдельных социальных слоев населения. Это требование распространяется на все сферы общественной жизни, в том числе и на образование. «Равные права мировоззренческих групп в обществе и государстве, — замечает

в этой связи проф. И. В. Метлик, — должны быть реализованы в системе образования, во всех сферах образовательных учреждений и на всех уровнях образования. В практическом плане из этого следует, что если в социуме имеются последователи религий и нерелигиозная часть общества, то должно быть как философское образование, финансируемое из госбюджета, так и богословское религиозное образование, также финансируемое из госбюджета. Если есть содержащиеся за счет нашего общего бюджета философские гуманитарные научные центры, то должны быть такие же религиозные, богословские гуманитарные научные центры. Если есть оплачиваемые философские ученые степени, то должны быть и оплачиваемые богословские ученые степени. А если говорить, что все богословие должно быть ограничено рамками конфессий, конфессиональных учреждений, то тогда и философское мировоззренческое образование надо делать предметом заботы соответствующих общественных объединений атеистической направленности. Но это противоречило бы не только базовым принципам демократического государства, но и здравому смыслу. Если государству, власти безразличны мировоззренческие убеждения, ценности граждан, то, спрашивается, что это за государство? Какое отношение оно имеет к людям, дающим средства на его финансирование? И зачем такое государство нужно гражданам? Это — псевдолиберальный тупик. За отказом поддерживать, организовывать мировоззренчески ориентированное образование последует отказ обеспечивать образование вообще (кто желает — пусть платит и учится), затем культуру, социальную сферу, вплоть до полиции и армии (пусть кто хочет, тот Родину и защищает)». Заканчивая это весьма взвешенное и аргументированное обоснование включения знаний о религии в российскую образовательную систему, И. В. Метлик замечает: «В связи с этим восстановление позиций теологии в системе гуманитарного знания... имеет еще и значительную образовательно-просветительскую функцию. Оно способствует преодолению в обществе штампов тоталитарного, “черно-белого” мышления»³.

³ Метлик 2009.

В конце XX в., когда в России государственная атеистическая идеология перестала существовать, учащиеся и студенты впервые получили возможность приобретать объективные знания о религии и использовать их в духовном, нравственном, эстетическом воспитании и всестороннем формировании своего внутреннего духовного мира. Открывшееся перед современной молодежью тысячелетнее религиозное общечеловеческое наследие вызывает у нее значительный интерес. Одновременно оно помогает ей в осознанном выборе своего мировоззрения и создает необходимые условия для реализации ею своих прав на свободу взглядов и убеждений.

В данной статье предпринимается попытка выделить из этого неисчерпаемого религиозного наследия интегрируемое в гуманитарное образование христианское богословие и сопоставить его с философией, поскольку и богословие, и философия носят ярко выраженный мировоззренческий характер.

Для тех, кто до сих пор усматривает между этими двумя дисциплинами непримиримое противоречие, такая попытка может показаться весьма странной. Однако речь не о них, а о тех, кто всесторонне, глубоко и объективно исследовал этот вопрос и пришел к обратным результатам. Так, Владимир Соловьев, рассуждая о том, что «для жизни человеческой... безусловно, необходимы... убеждения и воззрения высшего порядка, т. е. такие, что разрешали бы существенные вопросы... об истине сущего, о смысле или разуме явлений... давая внутреннее содержание всей жизни», отмечает, что «такие общие воззрения, как известно, существовали и существуют и притом в двух формах: религии и философии»⁴. «В высшем конкретном единстве» между этими формами «внутри религиозной сферы и внутри сферы философской» никаких противоречий не существует. Правда, «раздвоение между религией вообще и философией вообще, двойственность веры и разума» все же имеет место, хотя «это раздвоение», как отмечает В. С. Соловьев, «существовало не всегда. Так,

⁴ Соловьев 1969. С. 240.

чтобы не обращаться к слишком глубокой древности, можно вспомнить, что в лучшие времена христианства лучшие его представители соединяли искреннюю веру с философским глубокомыслием и не находили никакого противоречия между догматами своей религии и последними результатами тогдашней философии»⁵. Эти размышления Владимира Соловьева перекликаются с известным высказыванием М. В. Ломоносова о «двух родных сестрах»: науке и вере, которые, будучи дочерьми («дщерями») «Одного Всевышнего Родителя» (т. е. Бога — *М. И.*), никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет»⁶. «Мудрование, о котором говорит Ломоносов, было одним из плодов эпохи Просвещения, деятели которого боролись за установление “царства разума” и уничтожение религиозной веры. Охвативший всю Европу дух Просвещения, идеи которого были сформулированы французскими интеллектуалами середины XVIII столетия, постепенно проник и в Россию. Носители этого духа уже не стремились к идеалу целостного знания, полагая, что другой идеал — рационалистический, провозглашенный от имени науки, должен определять все стороны человеческой деятельности. С особой силой вера в разум человека проявилась в период зарождения современной науки, когда первые успехи в области естествознания и техники вызывали у людей чрезмерный энтузиазм, порождали веру в силу науки и приводили к утрате религиозной веры»⁷.

Так произошло разделение философии и богословия, а идеал «целостного знания» отступил на второй план. «Нормально» ли такое разделение? — задается вопросом Владимир Соловьев и продолжает: «Одна русская литературно-научная школа, так называемые славянофилы, отвечала на это, безусловно, отрицательно. Признавая указанное разделение явлением совершенно ненормальным, каким-то историческим

⁵ Соловьев 1969. С. 241.

⁶ Ломоносов 1954. С. 374.

⁷ Иванов 2011. С. 176.

грехопадением, она требовала всецелого возвращения к первоначальному единству»⁸. Это единство в разные исторические эпохи осуществлялось по-разному. Своими корнями оно уходит в дохристианские времена, когда древнегреческая философская мысль уже выполняла по отношению к будущему христианству свою служебную миссию: она, по замечанию Климента Александрийского, служила «детоводителем ко Христу», т. е. подготавливала человечество к новой мировой религии. «Лучшие представители» христианства, о которых упоминает Владимир Соловьев, т. е. наиболее авторитетные отцы и учителя Церкви, также испытали на себе влияние эллинской мысли. Церковь в то время, как отмечает профессор прот. В. Зеньковский, «охотно вбирала в себя все ценное, что находила в истинной культуре. Наследие греческой науки и философии использовалось Церковью без колебаний, при этом... оно своеобразно “воцерковлялось”... Как типичен в этом отношении “Шестоднев” св. Василия Великого! Элементы античного знания “воцерковлялись” здесь без колебаний»⁹. Показателен и другой факт. Некоторых святых отцов Церковь именует не только «богословами», что вполне объяснимо, так как соответствует природе Церкви и ее служению, но и «философами», чья миссия, на первый взгляд, может показаться не соответствующей задачам Церкви. Однако следует иметь в виду, что последнее именование использовалось тогда, естественно, не в профессиональном смысле, а применительно лишь к тем, кто сам был «мудрецом» и проявлял любовь к мудрости (греч. *φιλοσοφία*, букв. «любовь к мудрости»; от *φιλέω* — «люблю» и *σοφία* — «мудрость»). В патристический период философия и богословие иногда бывают «так сплетены, что провести четкое различие между ними крайне затруднительно»¹⁰. В этой связи современный православный богослов Жан-Клод Ларше дает студентам богословских учебных заведений следующий совет: (Им — М. И.) «полезно иметь

⁸ Соловьев 1969. С. 241.

⁹ Зеньковский В., прот. 1992. С. 8.

¹⁰ Беневиц, Бирюков 2009. С. 7.

философское образование. (Оно — *М. И.*) необходимо для лучшего понимания... сочинений святых отцов, чье мышление само по себе весьма сложно, (поскольку — *М. И.*) широко пользуется отвлеченными понятиями философского типа. Например, философское образование может значительно облегчить знакомство с творениями св. Дионисия Ареопагита, прп. Максима Исповедника или свт. Григория Паламы»¹¹.

На русской почве взаимоотношения богословия и философии получили дальнейшее развитие, что позволяло решать их общие проблемы и обсуждать общие интересы. «Философия в мире христианском и богословие христианское, — писал в своем обращении к Синоду В. Н. Карпов, — суть одно и то же развитие жизни, как сенолиственное и покрытое плодами дерево — один и тот же организм. (Поэтому — *М. И.*) философия в недрах веры и по духу веры как учение, по содержанию отличное от богословия, всегда была не только возможна, но и необходима»¹². При этом отношения между двумя направлениями научной мысли были настолько близкими, что, по замечанию того же В. Н. Карпова, некоторые опасались, хотя и напрасно, «как бы философия, развиваясь в недрах веры, по содержанию не отождествилась с богословием»¹³.

Что сближает эти направления? На первый план здесь, естественно, выдвигается их мировоззренческое содержание. Именно оно создает их органическое и внутреннее единство, что предполагает открытость каждого направления друг другу. В период нормального развития их взаимоотношений не только возрастает их взаимный научный интерес, но и развивается, по мнению Н. А. Куценко, «концепция взаимосвязи богословско-философского знания»¹⁴. О жизнеспособности такой концепции свидетельствует тот факт, что прот. Г. Флоровский после страшных потрясений в России «основной смысл занятий... патристикой» снова

¹¹ Ларше 2012. С. 124.

¹² Цит. по: Куценко 2005. С. 100.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 5.

видел, как отмечает прот. И. Мейендорф, «в том, чтобы найти верный ключ к соотношению между светской философией и богословием»¹⁵. При этом мировоззрение самого Флоровского, по замечанию отца Иоанна, «было не спекулятивно-философским, как у большинства религиозной интеллигенции, попавшей за границу, а богословски-традиционным»¹⁶.

Богословие и философию сближает то, что они призваны быть высшими выразителями человеческого духа и творцами подлинной духовной культуры, поскольку настоящая «культура есть устойчивое в своей выразительности деятельное и вещное утверждение осмысленности бытия»¹⁷. Этому призванию они соответствовали в течение многих столетий, пока не произошло отделение Католической церкви от Церкви Вселенской. С этого времени на Западную Европу постепенно начинает надвигаться тень секуляризма, вызванного охлаждением религиозной жизни, постепенной утратой духовных идеалов, а главное — утратой того единства с Богом, последствия которой сказались на всех сторонах христианской жизни.

Секуляризм, как полагает прот. В. Зеньковский, может проявлять себя в религиозном творчестве в двух формах, одну из которых условно можно назвать «умеренной», а другую — «крайней». Умеренная форма — это начальная стадия секуляризма, когда «религиозная установка духа» еще признается, однако на передний план уже выдвигается полная свобода и независимость исследования, которое может успешно проводиться самостоятельно естественным человеческим разумом. Его достижения, «совершенно неотразимые, как казалось тогда»¹⁸, привели к рождению принципиально новой, революционной идеи, согласно которой с этого момента открывается возможность «отделить чисто философские концепции от богословия. На этот путь и стал со всей определенностью уже

¹⁵ Флоровский Г., прот. 1983. С. VII.

¹⁶ Там же. С. VI.

¹⁷ Гаврюшин 1998. С. 110.

¹⁸ Зеньковский В., прот. 1992. С. 10.

Альберт Великий»¹⁹, который «считал, что следует разграничить сферы богословия и философии, так как богословие основано на авторитете Откровения... философия же — на разуме»²⁰. Однако их окончательное разделение, как считает прот. В. Зеньковский, было завершено Фомой Аквинатом, «построения которого удовлетворяли требованиям времени, но зато оказались столь роковыми для всей христианской культуры Запада»²¹. До признания «самодостаточности» естественного разума не доходили даже наиболее известные представители античной мысли.

Умеренная форма секуляризма ангелического учителя Католической церкви — вещь отнюдь не безобидная. Она «рассекает целостность познавательного процесса»²² и делает невозможным достижение «цельного» знания, к чему впоследствии так стремились известные русские религиозные мыслители. Религиозно-философскую систему Аквината не оправдывает то, что она признает Откровение, поскольку последнее в этой системе не входит в органическое единство с философией, а выполняет в ней лишь вспомогательную роль, как бы закрепляя собой то, чего «естественный разум» в процессе независимого познания достигает самостоятельно. Как видим, роли поменялись: если раньше некоторые признавали философию «служанкой богословия», то теперь «служанкой» становится Откровение и богословие, а философия превращается в «госпожу».

Завышенное представление Аквината о роли разума в познавательном процессе было ошибочным в двух отношениях. Во-первых, Фома Аквинат обходит полным молчанием христианское учение о первородном грехе, который повредил человеческую природу на онтологическом уровне. Не зная этого учения, которое подробно объяснил уже ап. Павел, а затем вся церковная традиция, Аквинат, само собой разумеется, не мог. Скорее всего, он как адепт католичества склонялся к той антропологии

¹⁹ Зеньковский В., прот. 1992. С. 10.

²⁰ Фокин, Усков 2001. С. 73.

²¹ Зеньковский В., прот. 1992. С. 10.

²² Там же.

Католической церкви, которая признает падшую человеческую природу «нормальной». Не вдаваясь в подробности этого вопроса, приведем лишь один текст из сборника документов Католической церкви, в котором описывается состояние природы человека после падения. «Несмотря на первородный грех, человеческая природа, рассматриваемая *сама по себе, хороша* (курсив автора статьи — *М. И.*)... Внутреннее превосходство... (человеческой — *М. И.*) природы сохранилось»²³. Следовательно, неповрежденными сохранились и все те силы, способности, свойства и дарования, какими человек обладал до того, как он нарушил в раю установленные Богом нормы тварного бытия. Не будем также останавливаться на том, насколько такая антропологическая позиция Католической церкви расходится со всей православной традицией учения о человеке. Остановимся лишь на кратком описании состояния «естественного разума», которым стал обладать человек, заболевший грехом.

В грехе человек потерял онтологическую целостность своей природы, которая, образно выражаясь, «распалась» на части. Разум также оказался «расколотым», что дало основание некоторым религиозным мыслителям противопоставлять разум рассудку²⁴, поэтому православное сознание никогда полностью не доверяло «естественному разуму», опасаясь его аномальных проявлений. В то же время оно и не исключало участия разума в познавательном процессе и даже в процессе духовного возрождения человека. Позиция Православной Церкви в этом вопросе представляется предельно простой: с одной стороны, разум, рации, рассудок — это разновидности одного из заложенных Богом свойств человеческой природы и как таковые они должны проявлять себя, а с другой — проявление этих свойств обусловлено греховным состоянием человека, так что его безошибочность оказывается под большим вопросом. Призывая к духовному возрождению, Православная Церковь ожидает от человека очищения от греха, искажающего все его внутренние силы

²³ Цит. по: Иванов 2006. С. 353.

²⁴ Иванов, Казарян, Пономарев 2004. С. 677.

и способности. В процессе преобразования должен быть обновлен и разум, чтобы он, по выражению Ивана Ильина, не оставался «отвлеченно-мыслящим рассудком», а стал «духовно-опытно созерцающим разумом»²⁵. О таком обновлении у Фомы Аквината мы не найдем ничего.

Другая ошибка ангелического учителя заключалась в том, что он наделял «естественный разум» слишком широкими полномочиями и как бы не замечал того, что «есть тайна Божественного, есть также и тайна тварного»²⁶, как пишет Владимир Лосский. Наличие таких тайн побуждало восточных отцов Церкви «превосходить» в познавательном процессе «естественный разум», достигая апофатических высот умудренного неведения, которое, по выражению прп. Исаака Сирина, «выше ведения»²⁷.

По мере угасания веры западный умеренный секуляризм в отдельных случаях стал приобретать крайние черты, что приводило не только к полному размежеванию богословия и философии, но и к непримиримой борьбе с Церковью и к полному атеизму, идеи которого были усвоены Фейербахом, К. Марксом и другими адептами богоборчества. Последним казалось, что с помощью «естественного разума» они полностью сбросили религиозные путы и достигли подлинной внутренней свободы. На это заблуждение русским религиозным мыслителем Л. Шестовым был дан довольно остроумный ответ. Шестов указал на то, что, становясь приверженцем рационализма, человеку «приходится иметь дело с “логическим принуждением”, более тяжким и роковым, чем те ограничения свободы», которые атеисты усматривают «в церковной традиции»²⁸.

На самом же деле, как свидетельствует церковная история, в периоды творческого взаимодействия богословия и философии никакая церковная традиция не чинила никаких препятствий свободе религиозной

²⁵ Иванов, Казарян, Пономарев 2004. С. 677.

²⁶ Лосский 1972. С. 50.

²⁷ Иванов, Казарян, Пономарев 2004. С. 679.

²⁸ Зеньковский В., прот. 1989. Т. 2. С. 464.

философской мысли. В качестве подтверждения этого факта иногда обращают внимание на жизнь Григория Сковороды — русского «вольного» философа, «в лице которого впервые заявляет о себе свободная христианская философия»²⁹. Сковорода был церковным человеком и отчетливо представлял себе, какие возможности для философской мысли открываются в христианском богословии. Такое же осознание присутствовало и у представителей духовно-академической и университетской философии, что придавало русской религиозно-философской мысли уникальные черты, столь отличавшие ее от умозрительных построений Запада. При этом главным отличием здесь признавалось то, что и богословие, и философия всегда должны выступать как науки опытные, не строящие, по выражению И. Ильина, «воздушных замков» и абстрактных систем мысли. Кстати, многие историки философии обращали внимание на то, что русская религиозно-философская мысль, в отличие от Запада, действительно не ставила своей целью построение таких систем, поскольку устремлялась к «живому знанию», не укладывающемуся в прокрустово ложе отвлеченных умозрительных схем. Эта ее главная особенность, пожалуй, в наибольшей степени роднит ее с богословием, где опыт признаётся самым существенным признаком христианского творчества. Необходимость опыта предполагает наличие той реальности, которая может стать, по выражению И. Ильина, «предметом» исследования и переживания. Если такого «предмета» не существует и философия превращается в отвлеченное умозрение, то она, как замечает тот же Ильин, — вовсе не философия, а гимнастика ума, чем занимается западная философия в периоды ее изоляции от христианства. В такие периоды, как отмечает прот. В. Зеньковский, наблюдается довольно странная ситуация. Дистанцируясь от христианства, западная философия при этом нередко продолжает считать своими многие из тех проблем, какие она пыталась решить, находясь в русле церковной традиции. Однако, отвергнув эту традицию и утратив те связи, какие помогали ей в решении сложнейших

²⁹ Зеньковский В., прот. 1989. Т. 1. С. 57.

мировоззренческих «вечных» вопросов, она оказалась беспомощной в своем творчестве, что неминуемо привело ее к ошибочным суждениям и абсурдным умозаключениям. В этой связи достаточно вспомнить хотя бы о таком западном феномене, как «радикальная теология», где самая главная проблема христианства, т. е. проблема Бога, превратилась в проблему «смерти Бога», а проблемы бытия и жизни трансформировались в постмодернизме в свою противоположность — в проблемы обесценивания жизни, финалом которой становится «Ничто», а онтологический статус вместо жизни приобретает смерть.

Печальный опыт западной культуры, с одной стороны, и бесценное наследие русской религиозно-философской мысли, с другой, побуждают нас сегодня проявить повышенное внимание к богословию и философии как мировоззренческим феноменам, призванным создавать целостную картину мира, открывать подлинную реальность бытия, находить истинный смысл жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беневиц, Бирюков 2009 — Антология восточнохристианской богословской мысли в 2 тт. / Под ред. Г. И. Беневица, А. С. Бирюкова. М. — СПб., 2009. Т. 1. [Antologïia vostochno-khristianskoi bogoslovskoi mysli v 2 tomakh (Anthology of Eastern Christian theological thought in 2 volumes.) / Pod redaktsiei G. I. Benevicha, A. S. Biriukova. Moscow — Saint Petersburg, 2009. Tom 1.]
- Гаврюшин 1998 — Гаврюшин Н. К. Пути русской православной религиозной мысли // БВ. 1998. № 1. С. 108–132. [Gavriushin N. K. Puti russkoi pravoslavnoi religioznoi mysli (The Paths of Russian Orthodox Religious Thought) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 1998. № 1. P. 108–132.]
- Зеньковский В., прот. 1989 — Зеньковский В., прот. История русской философии. П., 1989. Т. 1, 2. [Zen'kovskii V., archpriest. Istoriia russkoi filosofii (History of Russian philosophy). Paris, 1989. Tom 1, 2.]
- Зеньковский В., прот. 1992 — Зеньковский В., прот. Основы христианской философии. М., 1992. Т. 1. [Zen'kovskii V., archpriest. Osnovy khristianskoi filosofii (Fundamentals of Christian Philosophy). Moscow, 1992. Tom 1.]

- Иванов 2006 — *Иванов М. С.* Грех первородный // ПЭ. Т. 12. С. 345–355. [*Ivanov M. S.* Grekh pervorodnyi (Ancestral sin) // Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia). Tom 12. P. 345–355.]
- Иванов 2011 — *Иванов М. С.* Богословский сборник. Т. 1. Статьи разных лет. М., 2011. [*Ivanov M. S.* Bogoslovskii sbornik. Tom 1. Stat'i raznykh let (Theological collection. Volume 1. Articles from different years). Moscow, 2011.]
- Иванов, Казарян, Пономарев 2004 — *Иванов М. С., Казарян А. Т., Пономарев А. В.* Вера // ПЭ. Т. 7. С. 669–695. [*Ivanov M. S., Kazarian A. T., Ponomarev A. V.* Vera (Faith) // Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia). Tom 7. P. 669–695.]
- Куценко 2005 — *Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX в.: Киевская и Петербургская школы. М., 2005. [*Kutsenko N. A.* Dukhovno-akademicheskaiia filosofia v Rossii pervoi poloviny 19 veke: Kievskaiia i peterburgskaia shkoly (Spiritual and academic philosophy in Russia in the first half of the 19th century: Kiev and St. Petersburg schools). Moscow, 2005.]
- Ларше 2012 — *Ларше Ж.-К.* Что такое богословие? // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012, Вып. 3 (41). С. 117–131. [*Larchet. J.-C.* Chto takoe bogoslovie? (What is philosophy?) // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seria 1: Bogoslovie. Filosofia (Saint Tikhon Orthodox University Herald. Series 1: Theology. Philosophy). 2012, Vypusk 3 (41). P. 117–131.]
- Ломоносов 1954 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М. — Л., 1954. Т. 4. [*Lomonosov M. V.* Polnoe sobranie sochinenii (Complete collection of works). Moscow — Leningrad, 1954. Tom 4.]
- Лосский 1972 — *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // БТ. 1972. Вып. 8. С. 9–128. [*Lossky V. N.* Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi Tserkvi (An outline of the mystical theology of the Eastern Church) // Bogoslovskie Trudy (Theological Works). 1972. Vypusk 8. P. 9–128.]
- Метлик 2009 — *Метлик И. В.* Восстановить полноправные позиции теологии в системе гуманитарного знания и образования. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=448> (дата обращения 16.06.2017). [*Metlik I. V.* Vosstanovit' polnopravnye pozitsii teologii v sisteme gumanitarnogo znaniia i obrazovaniia. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=448> (data obrashcheniia 16.06.2017) (Restoring the rightful

- place of theology in the Humanities. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=448> (date of access 16.06.2017).]
- Соловьев 1969 — Соловьев В. С. Собрание сочинений. Бр., 1969. Т. 11. [*Solov'ev V. S. Sbranie sochinenii* (Collection of works). Brussels, 1969. Tom 11.]
- Флоровский Г., прот. 1983 — Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. П., 1983. [*Florovsky G., archpriest. Puti russkogo bogosloviia* (Ways of Russian theology). Paris, 1983.]
- Фокин, Усков 2001 — Фокин А. Р., Усков Н. Ф. Альберт Великий // ПЭ. Т. 2. С. 72–75. [*Fokin A. R., Uskov N. F. Al'bert Velikii* (Albert the Great) // *Pravoslavnaia Entsiklopedia* (Orthodox Encyclopedia). Tom 2. P. 72–75.]

Abstract

Ivanov M. S. Theology and philosophy in the context of the introduction of theology into Russian Humanities

The reason for writing this article was the signing by the Ministry of Justice of the Russian Federation of the order on recognition of academic degrees in theology in the Russian Federation. This historical event was possible due to the evolution of Russian society in its worldview. The article examines the circumstances that impede this evolution and shows their inconsistency, as well as talks about the opportunities that have opened in Russian educational institutions for students who have acquired the right to acquire objective knowledge about religion in the humanitarian educational space. Since the most important of these possibilities is to consciously choose a worldview, and in theology and philosophy the main focus is ideological content, the article attempts to isolate theology from the rich spiritual and cultural heritage and to compare it with philosophy. Such a comparison shows that between the two academic disciplines, creative unity is not only possible but necessary, and that thanks to it, Russia can preserve and multiply its spiritual and cultural heritage.

Keywords: theology, higher education, scientific degree, theology, philosophy, Ministry of Justice of the Russian Federation.